

Издательство
АСТ

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

ПО ПРАВУ ПАМЯТИ

ЗА ДАЛЬЮ — ДАЛЬ

Москва
Издательство АСТ
2025

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Т26

Твардовский, Александр Трифонович.

Т26 По праву памяти; За далью — даль / Александр Твардовский. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 192 с.

ISBN 978-5-17-172263-0 (Школьное чтение)

ISBN 978-5-17-172265-4 (Классика для школьников)

Поэма «По праву памяти» входит в программу обязательного чтения по литературе в 11-м классе.

Александр Трифонович Твардовский (1910–1971) — русский советский поэт, писатель, один из главных представителей отечественной литературы XX века.

«По праву памяти» — последняя поэма Александра Твардовского. Изначально она была задумана как дополнительная глава к лирической поэме «За далью — даль», но стала самостоятельным произведением. В поэме автор не только размышляет о трагических событиях Великой Отечественной войны, о потерях и страданиях, которые она принесла народу, но и описывает личную боль. Он вспоминает о печальной судьбе своего отца — раскулаченного и сосланного крестьянина-кузнеца — и подвергает критике жестокие репрессии. Автор настаивает на необходимости сохранения исторической памяти, которая поможет избежать ошибок прошлого.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-172263-0

(Школьное чтение)

ISBN 978-5-17-172265-4

(Классика для школьников)

© Твардовский А.Т., насл., 2025

© Савченков И.Ю., ил. на обл., 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

ПО ПРАВУ ПАМ'ЯТИ

Смыкая возраста уроки,
Сама собой приходит мысль —
Ко всем, с кем было по дороге,
Живым и павшим отнестись.
Она приходит не впервые.
Чтоб слову был двойной контроль:
Где, может быть, смолчат живые,
Так те прервут меня:
— Позволь!
Перед лицом ушедших былей
Не вправе ты кривить душой, —
Ведь эти были оплатили
Мы платой самою большой...
И мне да будет та застава,
Тот строгий знак сторожевой
Залогом речи нелукавой
По праву памяти живой.

1. Перед отлетом

Ты помнишь, ночью предосенней,
Тому уже десятки лет, —
Курили мы с тобой на сене,
Презрев опасливый запрет.

И глаз до света не сомкнули,
Хоть запах сена был не тот,
Что в ночи душные июля
Заснуть подолгу не дает...

То вслух читая чьи-то строки,
То вдруг теряя связь речей,
Мы собирались в путь далекий
Из первой юности своей.

Мы не испытывали грусти,
Друзья — мыслитель и поэт.
Кидая наше захолустье
В обмен на целый белый свет.

Мы жили замыслом заветным,
Дорваться вдруг

До всех наук —
Со всем запасом их несметным —
И уж не выпустить из рук.

Сомненья дух нам был неведом;
Мы с тем управимся добром
И за отцов своих и дедов
Еще вдобавок доберем...

Мы повторяли, что напасти
Нам никакие нипочем,
Но сами ждали только счастья, —
Тому был возраст обучен.

Мы знали, что оно сторицей
Должно воздать за наш порыв
В премудрость мира с ходу врыться,
До дна ее разворотив.

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать.
Не трусить.
Верным быть народу.
Любить родную землю-мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду.
А если —
То и жизнь отдать.

Что проще!
В целости оставим
Таким завет начальных дней.

Лишь от себя теперь добавим:
Что проще — да.
Но что сложнее?

Такими были наши дали,
Как нам казалось, без прикрас,
Когда в безудержном запале
Мы в том друг друга убеждали,
В чем спору не было у нас.

И всласть толкуя о науках,
Мы вместе грезили о том,
Ах, и о том, в каких мы брюках
Домой заявимся потом.

Дивись, отец, всплакни, родная,
Какого гостя бог нанес,
Как он пройдет, распространяя
Московский запах папирос.

Москва, столица — свет не ближний,
А ты, родная сторона,
Какой была, глухой, недвижимой,
Нас на побывку ждать должна.

И хуторские посиделки,
И вечеринки чередом,
И чтоб загорьевские девки
Глазами ели нас потом,
Неловко нам совали руки,
Пылая краской до ушей...

А там бы где-то две подруги,
В стенах столичных этажей,
С упреком нежным ожидали
Уже тем часом нас с тобой,
Как мы на нашем сеновале
Отлет обдумывали свой...

И невдомек нам было вроде,
Что здесь, за нашей спиной,
Сорвется с места край родной
И закружится в хороводе
Вслед за метелицей сплошной...

Ты не забыл, как на рассвете
Оповестили нас, дружков,
Об уходящем в осень лете
Запевы юных петушков.

Их голосов надрыв цыплячий
Там, за соломенной стрехой, —
Он отзывался детским плачем
И вместе удалю лихой.

В какой-то сдавленной печали,
С хрипотцей истовой своей
Они как будто отпевали
Конец ребячьих наших дней.

Как будто сами через силу
Обрядный свой тянули сказ
О чем-то памятном, что было

До нас.
И будет после нас.

Но мы тогда на сеновале
Не так прислушивались к ним,
Мы сладко взапуски зевали,
Дивясь, что день, а мы не спим.

И в предотъездном нашем часе
Предвестий не было о том,
Какие нам дары в запасе
Судьба имела на потом.

И где, кому из нас придется,
В каком году, в каком краю
За петушиной той хрипотцей
Расслышать молодость свою.

Навстречу жданной нашей доле
Рвались мы в путь не наугад, —
Она в согласье с нашей волей
Звала отведать хлеба-соли.
Давно ли?
Жизнь тому назад...

2. Сын за отца не отвечает

Сын за отца не отвечает —
Пять слов по счету, ровно пять.
Но что они в себе вмещают,
Вам, молодым, не вдруг обнять.

Их обронил в кремлевском зале
Тот, кто для всех нас был одним
Судеб вершителем земным,
Кого народы величали
На торжествах отцом родным.

Вам —
Из другого поколения —
Едва ль постичь до глубины
Тех слов коротких откровенье
Для виноватых без вины.

Вас не смутить в любой анкете
Зловещей некогда графой:
Кем был до вас еще на свете
Отец ваш, мертвый иль живой.

В чаду полуночных собраний
Вас не мытарил тот вопрос:
Ведь вы отца не выбирали, —
Ответ по-нынешнему прост.

Но в те года и пятилетки,
Кому с графой не повезло, —
Для несмываемой отметки
Подставь безропотно чело.

Чтоб со стыдом и мукой жгучей
Носить ее — закон таков.
Быть под рукой всегда — на случай
Нехватки классовых врагов.
Готовым к пытке быть публичной
И к горшей горечи подчас,
Когда дружок твой закадычный
При этом не поднимет глаз...

О, годы юности немилой,
Ее жестоких передраг.
То был отец, то вдруг он — враг.
А мать?
Но сказано: два мира,
И ничего о матерях...

И здесь, куда — за половодьем
Тех лет — спешил ты босиком,
Ты именуешься отродьем,
Не сыном даже, а сынком...

А как с той кличкой жить парнишке,
Как отбывать безвестный срок, —
Не понаслышке,
Не из книжки
Толкует автор этих строк...

Ты здесь, сынок, но ты нездешний,
Какой тебе еще резон,
Когда родитель твой в кромешный,
В тот самый список занесен.

Еще бы ты с такой закваской
Мечтал ступить в запретный круг.

И руку жмет тебе с опаской
Друг закадычный твой...
И вдруг:
Сын за отца не отвечает.

С тебя тот знак отныне снят.
Счастлив стократ:
Не ждал, не чаял,
И вдруг — ни в чем не виноват.

Конец твоим лихим невзгодам,
Держись бодрей, не прячь лица.
Благодари отца народов,
Что он простил тебе отца
Родного —
с легкостью неожиданной
Проклятье снял. Как будто он